

11 класс

Задание 1

Выполните целостный анализ **ОДНОГО** из предложенных произведений (либо прозаического, либо стихотворного).

Евгений Витченко (род. 1983)

* * *

Еще ты злишься, друг прелестный.
Еще ты слёзы льешь над бездной
Беззвёздной. Только и всего,
Что нам осталось понемногу
Внимать классическому слогу.
Молиться Богу,
но его

Присутствия мы не уловим.
Лишь приблизительный синоним
(А это совесть) подберем.
Как хорошо на белом свете
Жить на пределе, на фальцете!
И видеть звёздочки
в проём

Окна. А нет их, то придумать.
И створку приоткрыть, подует
Когда нездешний ветерок.
Как странно, что его не видим,
Но чувствуем. И лучше выйдем
Ему навстречу:
это Бог.

О, Боже мой, какая сила
По свету, знать, тебя носила,
Что не было тебя кругом!
Одно безветрие. Беззвёздность.
И ночь. Вернее, очередность
Ночей. И смерть вся
в голубом.

(2022)

Выполните целостный анализ произведения *Е. Витченко*. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: значение интертекста (скрытого цитирования), своеобразие поэтической фонетики и синтаксиса. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Я влип в невероятную историю. Редактор отправил меня во Владимирскую область брать интервью у генерального директора крупного химкомбината. Я всегда с восторгом принимаю неожиданные задания ехать куда-нибудь. Причем мне, так сказать, по барабану куда ехать, лишь бы только ехать.

«Очень серьезный человек, — предупредил меня редактор, — поэтому рассчитываю на серьезную работу».

Сказано – сделано. Стартовал в шесть утра. Около метро «Юго-Западная» краем глаза заметил свору собак. Собаки как собаки. Прошел бы мимо, но увидел, что от своры отделился один деловой барбос. Прежде чем отойти от своих приятелей, пёс как-то странно посмотрел на них и кивнул, типа, увидимся позже, друзья. Собаки в ответ затоптались. Они явно замутили какой-то тайный проект.

Вот такое ничего не предвещающее наблюдение стало началом невероятной истории, которую я горю желанием побыстрее изложить. Вместе с псом мы спустились под землю. Я шел по лестнице, а рядом со мной перебирала лапами довольно крупная густошерстная дворняга со здоровыми мускулистыми конечностями. Мужик среднего возраста. Как и я. Беспородный кобель. Как и я. Он довольно нагло проскочил сквозь кордон дармоедов-контролеров и юркнул в вагон. Я зашел следом. В вагоне кобель лег на брюхо и положил морду на передние лапы. Прикрыл глаза. «Ой! — вскрикнул маленький мальчик. — Собачка на работу тоже едет!» Выражение лица у пса было задумчивое. Чувствовалось, что он повидал кое-что на своем веку...

Всякий раз, когда из динамиков доносился голос диктора, объявляющий следующую станцию, пёс поднимал и поворачивал уши в сторону источника звука. Похоже, он действительно ехал по важным делам и следил за последовательностью станций. На «Библиотеке имени Ленина» мы оба вышли. Вместе с потоком пассажиров пёс засеменил на Арбатско-Покровскую линию. Я за ним. Он зашел во второй вагон от головы состава, а я в третий. Это я специально так сделал, чтобы барбос не заметил хвоста. Вообще-то, мне надо было ехать до «Курской», но я направился в противоположенную сторону. «Чутьочку посмотрю, куда едет собака, — решил я, — и тут же на химкомбинат. Ну, немного опоздаю. Ничего страшного».

«Чутьочка» не получилась. Мы доехали с псом до станции «Молодежная». Вышли в город. Сначала минут двадцать плелись по городским улицам. Потом объект свернул на бездорожье и потащил меня по каким-то совершенно несусветным местам — мимо гаражей, свалок, канав, пугающих металлических коробок без дверей и окон, мимо бульдозеров, вросших в глину по кабину. На всякий случай, чтобы не привлечь к себе внимания, я отключил мобилу.

В какой-то момент пес замер. Остановился, как вкопанный. Правая передняя нога его зависла в воздухе. «Спалился! — подумал я. — Все пропало! Хреновый из меня шпион получился».

К счастью, неподалеку стояло толстое дерево, за которое я молниеносно шмыгнул. Объект очень медленно повернул голову, а уши, словно антенны направил в другую сторону. Передняя нога продолжала висеть в воздухе в полусогнутом состоянии. Я наблюдал за собакой левым глазом, высунув из-за дерева половину своего лица. Правый мой глаз уперся в разлом коры, напоминающий с близкого расстояния американский каньон.

«Да, тертый калач — этот пес, — подумал я, — обнаружил все-таки слежку».

На мою удачу ветер дул от собаки ко мне, поэтому псу не удалось меня учуять. Постояв так еще с полминуты, он снова двинул по делам. Я за ним. Мои парадные туфли и штанины брюк покрылись вязкой грязью. Я вырядился понта ради, чтобы герой интервью относился ко мне с уважением.

Опять замелькали сваи, прямоугольные домики строителей, канавы, ямы, заборы. Целью пути барбоса было кубическое здание с единственной дверью — станция отопления или как ее еще называют «теплоцентраль». На стене станции красовалась размашистая надпись, обладающая таким же непостижимым размашистым смыслом: «Кони е-т мясо». Здание с загадочной надписью располагалось на пустыре, окаймленном крупноблочным потертыми многоэтажками. Пейзаж радовал глаз своей уютной унылостью.

У теплоцентрали моего пса поджидала собачья компания, состоявшая из пятнадцати-двадцати особей. Поскольку дело происходило на пустыре, и спрятаться было негде, я решил притвориться собирателем целебных трав. Тем более вид у меня, так сказать, — ботанический: очки, не вполне русское лицо, бакенбарды. Мало ли что? Может, я — шведский ученый приехал изучать флору московских пустырей. Я принялся рвать какие-то вялые дички, для убедительности цокая языком и покачивая головой: «Какой редкий экземпляр! Надо же!» Вроде, моя буффонада убедила банду четвероногих. Собаки сначала восприняли меня с недоверием, но потом видимо решили, что вряд ли придурковатый лох может иметь к ним какое-то отношение. И зря, кстати. Я рылся в сорняках, а сам краем глаза наблюдал за лохматой группировкой. Сначала мой пёс подошел к выступившему ему навстречу небольшому, но крепко сложенному кобелю и что-то проскулил ему в ухо. Представитель банды твякнул и вильнул хвостом. Я понял, что у них произошел следующий разговор: «Здравствуйте! Я — такой-то, прибыл от таких-то, для такого-то дела». Ответ: «Приветствую! Давно ждем. Шеф готов вас принять. Пройдемте».

Пса с «Юго-Западной» провели в центр своры к маленькой, вытянутой, словно эспандер, коротконогой суке, имевшей туловище таксы и крокодилью морду с огромными зубастыми челюстями. Это видимо и был «шеф». «О! Да у них тут полный матриархат!» — воскликнул я про себя.

Мой земляк поклонился «шефу», встав, как цирковая лошадь, на сгиб передних ног. «Шеф» удовлетворенно кивнула. Начались переговоры. Соединив все эти повизгивания, потягивания, виляния и кивания в единую логическую цепь, я понял, что между животными состоялась такая беседа:

Шеф: «Наши договоренности в силе?»

Мой пёс: «Конечно».

Шеф: «Вы уверены?»

Мой пёс: «Уверены».

Шеф: «Тогда действуйте. Мы согласны».

Мой пёс: «Спасибо».

Шеф: «Желаю удачи!»

Мой пёс: «Аналогично».

Мой земляк откланялся и побежал вон с пустыря. Я сорвал ветку бузины, растер цветочек в ладонях и, стукнув себя по лбу, крикнул, как можно громче, причем с англоязычным акцентом: «Я есть старый дурак! Меня уже полчаса ждут в академия! Проклятый рассеянность!»

Конечно, все это вышло довольно наиграно, грубо, но собаки, вроде, поверили мне. Они не очень хорошо разбираются во всяких там постановочных штучках-дрячках. Скажу больше, они, вообще, не знают, что живой организм может прикинуться другим живым организмом. Мы же никогда не видели добермана, который под аплодисменты псинной публики копирует повадки пуделя. Максимум, что может сделать собака — притворится мертвой или доброй, чтобы потом неожиданно цапнуть обманутую жертву за ногу. А я — человек. И горд этим. В отличие от животных, ну, кроме обезьян и попугаев, я умею подражать, копировать, имитировать, пародировать. В арсенале человека — масса возможностей. Поэтому он считается венцом творения.

Не буду докучать подробностями обратного пути моей собаки и сопутствующей ей слежке. Лучше перенесемся сразу на Казанский вокзал, куда меня привели деловой пёс, мое преступное любопытство и злостная безответственность. Время клонилось к обеду. Железнодорожные рабочие и офисные служащие уже грезили вечерним отдыхом, а я топал по шпалам за собакой неизвестно куда.

Стоит отметить, что пространство, начинающееся там, где заканчиваются платформы Казанского вокзала — это отдельный, фантастический мир, не имеющий никакого отношения ни к Москве, ни к России. Здесь, среди хитросплетения рельс, расположен Дынный Город, населенный азиатами. Этот город желтеет россыпями сочных чарджоуских дынь-торпед. Есть здесь также Город Бомжей. Он находится в районе мусоросборников. Поезда дальнего следования освобождаются в этой точке от мусора и помоев, а выползающие из своих лачуг бездомные люди выбирают в мусорных контейнерах все, что полезно для их жизнедеятельности. И, конечно же, в Заказанском мире невероятное количество всяких вагонов.

Все это я увидел благодаря собаке, за которой следовал тенью. Пёс периодически останавливался, принохивался, озирался, прислушивался... Он то замедлял ход, то вдруг срывался и неся невесть куда. А я за ним. Так продолжалось несколько часов.

Путь пса завершился около обшарпанного плацкартного вагона без обозначений пунктов следования. Я притаился под стоящей неподалеку цистерной, сгорая от желания побыстрее открыть загадку параллельной собачьей цивилизации.

Пёс направил морду в сторону вагонной двери и прогавкал строгий ритмический рисунок. Если перевести его сигнал на ноты, то получится восемь «гавов», уложенных в синкопу на два двухчетвертных такта. То есть, восьмая-четверть-четверть-четверть-четверть-четверть-восьмая-четверть-четверная пауза. Дверь вагона со скрежетом открылась, и наружу выкатилось голое человеческое пузо. Остальные части тела обитателя вагона, остались внутри. Еще я увидел схватившуюся за край двери здоровенную лапу с наколотым солнышком. Такие наколки делали в шестидесятые–семидесятые: закругленный край солнца находится около кисти, а от него к пальцам расходятся лучи.

— Абрам пришел! — пробасил обитатель вагона.

Барбос взвизгнул и завил хвостом.

— Абраша! — радостно отозвался из глубины вагона пропитой женский голос. — Николай, зови его сюда быстрее! Наконец-то!

Абрам ловко запрыгнул в вагон. Дверь захлопнулась.

«Странное имя для пса — Абрам, — подумал я, — обычно собакам дают абстрактные комичные клички — Тузик, Жучка, Шарик. Изредка литературно-исторические, типа, Аргус, Наполеон, Чарли, Маркиз, Умка. Но причем здесь Абрам? Человек не мог назвать пса таким именем.

Я приложил ухо к стене поезда. Гробовая тишина. Ни лая, ни человеческих голосов. Робко постучался. Никакого эффекта. Постучался сильнее — без толку.

По поезду, в котором оказался Абрам, пробежала дрожь. Лязгнули сцепляющие устройства. Колеса вагонов медленно завращались. Пустой поезд-призрак, покатил вместе с моей тайной на восток.

«Летучий голландец, — подумал я, — не удивлюсь, если в кабине машинистов пустота».

— Добрый вечер! — строго-приветливо прозвучало за моей спиной. — Кто вы такой и чем здесь занимаетесь?

Я обернулся и увидел вохровца с кобурой на поясе.

— Да, видите ли, — залепетал я, — тут какое дело произошло...

Выслушав мою историю, вохровец велел мне срочно убираться из железнодорожного отстойника, пригрозив физической расправой. Я безропотно выполнил его наказ. Правда, найти дорогу оказалось непросто: везде вагоны, вагоны, вагоны и так до горизонта.

Я долго шел. Где-то в одиннадцатом часу, когда по городу расплылось чернильное пятно сумерек, я, наконец, обнаружил вокзал. Только почему-то не Казанский, а Рижский. Стало быть, я брел по Рижской ветке. По Рижской... Да-с.

На вокзале я внезапно вспомнил про мобильный телефон. Включил. Тридцать семь пропущенных вызовов: двадцать девять из редакции и восемь с химкомбината. Я решил срочно позвонить редактору, но не для того, чтобы объяснить причину моего исчезновения. Просто я понял, что, если прямо сейчас не позвоню умному человеку и не расскажу об Абраме и его странных друзьях, меня просто разорвут на куски полученные впечатления.

(2018)

Выполните целостный анализ произведения В. Гуга. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: способы выражения авторской оценки события, положенного в основу сюжета; значение эпиграфа. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Задание 2

Перед Вами подстрочный перевод стихотворения французского поэта Поля Верлена (1844 – 1896) «Искусство поэзии» (1874), созданный с использованием искусственного интеллекта, и 3 варианта его перевода. Сравните переводы, сделанные поэтами, с подстрочным переводом и выберите ОДИН из них, который наиболее точно соответствует, на Ваш взгляд, авторскому замыслу. Напишите небольшое эссе (примерно 240-250 слов), в котором обоснуйте свой выбор (учитывайте стихотворный размер, лексику, детали, их влияние на расстановку смысловых акцентов).

П. Верлен

Искусство поэзии

Подстрочный перевод

Музыки прежде всего,
И для этого предпочитай Нечётное (*имеется в виду нечётный размер*)
Более смутное и более растворимое в воздухе,
Без ничего в нём, что бы весило или позировало (*т.е. без тяжеловесности и напыщенности*).

Надо также, чтобы ты ни в коем случае не шёл
Выбирать свои слова без некоторой ошибки (*здесь: двусмысленности, неоднозначности*).
Нет ничего дороже, чем «серая песня» (*т.е. неяркая, полутон*)
Где Неопределённое с Определённым соединяется.

Это прекрасные глаза за вуалями,
Это полдневный день трепещущий,
Это, под осенним небом, охлаждённым,
Голубое переплетение ярких звёзд!

Ибо мы хотим Ньюанс снова,
Не Цвет, ничего, кроме ньюанса!
О! ньюанс один только обручает
Мечту с мечтой и флейту с валторной!

Беги издалека Остроту убийственную (*имеется в виду остроумие, каламбур*),
Остроумие жестокое и Смех нечистый,
Которые заставляют плакать глаза Лазури,
И весь этот чеснок низкой кухни! (*т.е. грубые приёмы*).

Возьми красноречие и сверни ему шею!
Ты сделаешь хорошо, в порыве энергии,
Немного Рифму укротив.
Если за ней не следить, куда она дойдёт?

О, кто расскажет о вине Рифмы?
Какой глухой ребёнок или какой безумный негр
Нам выковал эту безделушку ценой в грош
Которая звенит пусто и фальшиво под напильником?

Музыки снова и всегда!
Пусть твой стих будет улетевшей вещью
Которую чувствуешь, что ускользает из души, что ушла
К другим небесам, к другим любовям.

Пусть твой стих будет удачей (*игра слов: "bonne aventure" — и "счастье", и "гадание"*)
Рассеянной по свежему утреннему ветру,
Который идёт, благоухая мятой и тимьяном...
И всё остальное — литература. (*здесь в негативном смысле — пустое ремесленничество*).

П. Верлен

Искусство поэзии

Перевод В. Брюсова (1874)

О музыке на первом месте!
Предпочитай размер такой,
Что зыбок, растворим и вместе
Не давит строгой полнотой.

Ценя слова как можно строже,
Люби в них странные черты.
Ах, песни пьяной что дороже,
Где точность с зыбкостью слиты!

То — взор прекрасный за вуалью,
То — в полдень задрожавший свет,
То — осенью, над синей далью,
Вечерний, ясный блеск планет.

Одни оттенки нас пленяют,
Не краски: цвет их слишком строг!
Ах, лишь оттенки сочетают
Мечту с мечтой и с флейтой рог.

Страшись насмешек, смертных фурий,
И слишком остроумных слов
(От них слеза в глазах Лазури!),
И всех приправ плохих столов!

Риторике сломай ты шею!
Не очень рифмой дорожи.
Коль не присматривать за нею,
Куда она ведет, скажи!

О, кто расскажет рифмы лживость?
Кто, пьяный негр, иль кто, глухой,
Нам дал грошовую красоту
Игрушки хриплой и пустой!

О музыке всегда и снова!
Стихи крылатые твои
Пусть ищут, за чертой земного,
Иных небес, иной любви!

Пусть в час, когда всё небо хмуро,
Твой стих несётся вдоль полян,
И мятою и тмином пьян...
Всё прочее — литература!

П. Верлен

Искусство поэзии

Перевод Г. Шенгели (1938)

Музыке — прежде всего другого!
Нужен поэтому зыбкий стих.
Растворимый в напеве легче других,
Лишённый надутого и тугого.

К тому ж выбирай твои слова
Слегка небрежно, чуть презирая:
Ведь песенка нам милей хмельная.
Где Ясное в Блеклом сквозит едва.

Это прекрасный взор под вуалью.
Это трепещущий летний зной,
Это в осенней дымке сквозной
Звёздная пляска над синей далью.

Ведь мы Оттенков жаждем и ждём!
Не надо Красок, Оттенков нужно.

В оттенках лишь сливаются дружно
С мечтой мечта и флейта с рожком!

Прочь узкий Рассудок, Смех порочный!
Беги убийц — финальных Острот,
От которых лазурь лишь слёзы льёт!
Вон эту пошлость кухни чесночной!

А ригоризму шею сверни!
И хорошо, коль сможешь на деле
Добиться, чтоб рифмы чуть поумнели:
Не следить, — далеко заведут они!

Кто рифменным не был предан мукам:
Негр ли безумный, мальчик глухой
Сковал нам бубенчик жестяной
С его пустым и фальшивым звуком?

Лишь музыку ищи и лови!
Сделай стихи летучей игрою,
Чтоб чувствовалось: он послан душою
В иное небо, к иной любви.

Пусть в утренний бриз, коль небо хмуро.
Он предсказаниями веет, пьян.
Вдыхая с ним мяту и тимьян...
А прочее всё — литература.

П. Верлен

Искусство поэзии

Перевод Ю. Лифшица (2008)

Музыки — прежде всякого слова,
предугадай особенный Слог,
лёгкость и смуту вставь между строк
вне показной и плотной основы.

Нехотя делай словоотбор,
не подходи к заведомой цели,
только в запойной песенной трели
Света и Тени сходится створ.

Это — глаза под пеной вуали,
это — полудня зыбкий навес,
это — озноб осенних небес
в синем хаосе звёздной эмали.

Нужен Оттенок, тонкий настрой,
важен не Цвет, — оттенка свечение,
лишь светотень ведёт к обручению
грёзы с мечтою, флейты с трубой.

Вычурный Смех, Ума истерию,
пошлых Острот смертельную дурь
выбрось, поскольку плачет Лазурь
в этой чесночной кулинарии.

Горло фразёрству переломай!
Было б неплохо, если б отныне
ты поубавил Рифмам гордыни:
чуть недосмотришь — выйдут за край.

Как оценить от Рифмы убытки?
Раб ли глухой, юнец-идиот
с ходу дешёвку эту куёт,
делает пустозвонные слитки?

Музыки вновь, во веки веков!
Чтобы все знали: стих твой парящий
послан душою, ибо обрящет
новую страсть и новых богов.

Чтоб на заре, прошив неизвестность,
судоржным ветром к небу влеком,
веял он мятой и чабрецом...
Всё остальное — только словесность.